

Демократия В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ

Существование демократии в западной политической мысли
конца XX – начала XXI века

Андрей Сытин

О теории демократии

Демократические процедуры стали сегодня признанными нормами политической жизни, однако достижение действительно демократического по своей сути политического процесса остается нелегкой задачей. Кроме того, демократия в принятых формах не есть универсальный порядок, годный для любых обстоятельств. Напротив, ее жизнеспособность прямо зависит от способности находить решения, адекватные задачам, которые ставит время. Поэтому представляет непреходящий интерес и опыт мировой политической мысли на сей счет, тем более, что он от-

личается большим разнообразием и богатством.

У нас немало уже написано о теориях демократии – элитистских, партиципаторных, процедурных, согласительных и т.п.

Различия между ними действительно остаются существенными. Однако в противоборстве разнообразных концепций происходит общее развитие представлений о демократии, ее существовании, необходимых основаниях, условиях эффективного функционирования, перспективах совершенствования. Предметом статьи является не развитие демок-

СЫТИН Андрей Георгиевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: a_sytin@mail.ru

Ключевые слова: демократия, политическая мысль, развитие, вызовы времени, глобализация, средства массовой информации, манипулирование, политическая культура, информационная революция

ратической теории по всем азимутам, а лишь наиболее примечательная эволюция теоретических представлений в западной политической мысли конца XX –

начала XXI в. о самом существовании демократии, о том, что отличает ее от иных политических режимов и типов политических систем.

Развитие представлений о существовании демократии в XX в.

Еще с античных времен немало о демократии было написано немало, однако интерес к ней в XX в. носит, без сомнения, беспрецедентный характер.

Думается, это обусловлено, во-первых, тем, что в ней возникла очевидная потребность, вызванная как развитием и усложнением самого политического процесса, так и ростом образовательного уровня граждан.

Во-вторых, потребность в демократии была усилена жестокостями и злоупотреблениями тоталитарных режимов, характерных для первой половины XX в.

В-третьих, возникли и небывалые возможности изучения реального политического процесса, связанные с возникновением и развитием политической науки, обогащенной значительным арсеналом специальных исследовательских методов.

Распространенный взгляд, что, как только стало можно проводить серьезные исследования, тут же выяснилось, что демократия вовсе не власть народа, а лишь совокупность определенных процедур и что эта позиция и есть единственная «современная», согласуемая с научным подходом, не совсем верен.

Однако в области взглядов на демократию всегда можно говорить о различных соперничающих концепциях.

В первой половине XX в. возникли влиятельные элитистские концепции –

В.Парето, Г.Моски, Р.Михельса, М.Острогорского и др.

Они получили значительную популярность, и авторы концепций демократии не могли этого не учитывать. К тому же расширяющийся практический опыт демократии говорил о том, что элиты при так называемом демократическом строе отнюдь не утрачивают своего политического значения. Под влиянием этого возникают концепции «*демократического элитизма*» (Й.Шумпетера, К.Поппера и других авторов; в определенном смысле к «демоэлитистским» доктринам можно отнести и концепцию «плебисцитарной демократии» М.Вебера), трактующие демократию как власть элит, ограниченную лишь возможностью для избирателей время от времени делать выбор между конкурирующими элитами.

Доктрины «демократического элитизма» больше, чем «классические» нормативные схемы, учитывали реальный характер политической жизни западных стран*. Однако в них в очень значительной мере терялась «народная перспектива», составляющая весьма важную часть демократии как ценности и идеала. Действительно, политическая роль народа в этих концепциях сводилась, по существу, к эпизодам.

В то же время существовали и совсем другие концепции. Однако противоборство различных концепций демократии

* Необходимо заметить, что назвать доктрины «демократического элитизма» в полной мере «эмпирическими» или «дескриптивными» было бы не совсем правильным, поскольку и формулируемые ими представления о демократии претендовали в известной мере на статус нормативных.

всегда так или иначе касалось максималистской характеристики демократии, сформулированной еще в середине XIX в. президентом США Авраамом Линкольном: «Правление, исходящее от народа, осуществляемое народом и в интересах народа»¹. При этом, как правило, не оспаривался ни политико-философский принцип «правления, исходящего от народа», т.е. представление о народе как принципиальном источнике современной государственной власти, ни то, что правление должно осуществляться в интересах народа (с этим, по крайней мере в теории, вполне согласились бы и главы диктаторских режимов).

Главным предметом дискуссий был линкольновский принцип *government by the people* – правления, осуществляемого самим народом, т.е. вопрос о народе не как принципиальном источнике власти, а как реальном субъекте политического управления.

В этом отношении концепциям «демократического элитизма» противостояла, например, концепция «функциональной демократии» теоретика гильдейского социализма Джорджа Коула, который не отрицал роли политического представительства, однако считал, что принятая территориальная форма во многом выхолащивает его смысл.

Экономическая власть, по его мнению, первична по отношению к политической власти, и важнейшие реальные объединения людей – это ассоциации производителей и потребителей, выполняющие важные общественные функции. Такие ассоциации (фабрики, понимаемые как коллективы, образующиеся по месту работы, гильдии) должны, согласно концепции Дж. Коула, в своей деятельности руководствоваться принци-

пами рабочего контроля и самоуправления, а на государственном уровне быть представляемыми в органах управления. Что же касается индивидуального избирателя, то он должен иметь столько голосов, сколько есть групп вопросов (или функций), решение которых затрагивает его интересы (отсюда – «функциональное представительство»)².

Важнейшее здесь – стремление распространить демократические принципы на область промышленности и в целом – трудовой деятельности людей. В эти же годы стали популярными различные варианты концепции «промышленной демократии» и шире – идеи продвижения демократических принципов фактически во все области человеческой жизни и деятельности.

Не менее важно, что еще в период между двумя мировыми войнами была сформулирована и получила известное распространение концепция «демократии как образа жизни» крупнейшего американского мыслителя Джона Дьюи*.

Главная идея Дьюи состояла в том, что демократия в политической жизни не может существовать, не будучи укорененной во всей жизни человека и общества, и потому важнейшая задача – утвердить демократию как личный образ жизни гражданина. Только тогда демократия в политике получит необходимую опору.

«Ответственность личности, индивидуальный почин – вот интонации демократии, – писал Дж. Дьюи. – Демократия – ничто без изначального внутреннего побуждения, без внутреннего выбора идеала и без свободного внутреннего следования ему»³.

К демократическим установкам личного сознания он относил веру в

* Концепцию «демократии как образа жизни» в общих чертах разделяли также, например, Сидни Хук и датский теолог Халь Кок.

возможности человеческой природы, в равенство прав людей на реализацию и развитие своих способностей, в способность людей к разумному суждению и действию, в возможность полезного общения и сотрудничества между людьми, в возможности реального человеческого опыта.

Демократия, по Дьюи, не может быть однажды создана и затем лишь поддерживаться соблюдением определенных процедур. Чтобы оставаться живой, она должна «пересоздаваться» снова и снова как непосредственный и повседневный образ жизни все новых поколений граждан.

После Второй мировой войны, в особенности начиная с середины 50-х годов, вопросы оснований и функционирования демократии впервые стали предметом специальных научных исследований, преимущественно с помощью методологии бихевиорализма⁴.

Эти исследования показали, в частности, довольно низкий интерес граждан к политике. Одним из результатов этого стало возникновение новых минималистских концепций демократии.

Так, например, принадлежавший в эти годы к флорентийской школе политических исследований Дж.Сартори в книге «Демократия и дефиниции» во вполне шумпетеровском духе определял демократию как «этико-политическую систему, в которой влияние большинства доверено власти соперничающих меньшинств»⁵.

Американские политологи Г.Алмонд и С.Верба, сформулировавшие ставшую впоследствии знаменитой классификацию типов политической культуры, выше других типов поставили тот ее тип, который они назвали «гражданской культурой».

Такая культура, по Алмонду и Вербе, является культурой участия, но несет в себе и черты культур «прихожанина» и

«подданного». Граждане, обладающие такой культурой, считают политическое участие имеющим смысл, однако сами, как правило, в политической жизни не участвуют. По наблюдению Алмонда и Вербы, для таких людей политическое участие «не является ни основным их занятием в свободное время, ни главным источником удовлетворения, радости и волнения»⁶. По мысли авторов исследования, в этом нет угрозы для демократии, поскольку «бездеятельность обычного человека и его неспособность влиять на решения помогают обеспечивать правительственные элиты властью, необходимой для принятия решений»⁶.

Однако чем дальше отходили от идеалов «власти народа» авторы минималистских концепций, тем более радикальными становились и оппонировавшие им доктрины. В указанный период складываются и получают значительную популярность уже всеобъемлющие концепции «*демократии участия*», связанные с именами Э.Фромма, П.Бахраха, К.Макферсона, К.Пейтмена и других авторов.

При большом количестве вариантов этих концепций, пожалуй, главная их идея состояла в том, что представительные институты на общенациональном уровне и выборы в них не являются гарантией демократии и что для эффективного политического участия граждан нужна их «социальная подготовка» в других сферах. Отсюда, по мнению авторов этих концепций, вытекала необходимость равноправного участия граждан в принятии решений по всем вопросам, которые затрагивают их интересы. Что же касается «угрозы для стабильности системы», якобы заключенной в таком участии, то, по мнению, например К.Пейтмена, «массовое участие развивает и стимулирует именно те качества, которые необходимы для стабильности»⁷.

В целом важной стороной этих концепций стала идея «человеческой эффективности» политического участия, его важной роли для воспитания в людях чувства государственной ответственности и всех необходимых качеств гражданина. На обвинения же в возведении в культ некомпетентности К.Пейтмен, в частности, отвечала, что, чем больше люди принимают участие в политике, тем лучше они это делают.

Для этих лет характерно и развитие занимающих промежуточное положение между минималистскими и максималистскими взглядами на демократию доктрин «плюралистической демократии», особенно в варианте концепции «полиархии», связанной с именем Роберта Дала.

Эта концепция, основанная на идее множественности центров реальной власти в обществе, направлена на преодоление крайностей как максималистских, так и минималистских доктрин и

ориентирована не на какие-либо абсолютные идеалы, а на то, что может быть реально достигнуто в современном обществе. Одно из положений Р.Дала связывает полиархию (как реально достижимую в современном мире форму демократии) с социальными процессами, благодаря которым рядовые граждане получают возможность контролировать своих лидеров⁸.

Р.Даль, несомненно, отличает свою концепцию от радикальных концепций «непосредственной власти народа», однако он не признает и минималистских доктрин, полагая, что доктрины, не предполагающие хотя бы контроля граждан над элитами, не имеют отношения к демократии. Важно также, что Р.Даль специально разрабатывает вопросы о критериях демократического процесса при принятии решений на любом уровне, о минимально необходимых институтах полиархии и ее необходимых внеконституционных предпосылках⁹.

Новые вызовы и поиск адекватных ответов на них на рубеже XX–XXI веков

Период конца XX – начала XXI в. характерен существенными новыми явлениями в мировой общественной жизни. Среди них – глобализация и ее социально-политические последствия, значительное увеличение роли средств массовой информации в общественной жизни, информационная революция, распад Советского Союза и изменение всей конфигурации системы международных отношений, явления «цветных революций», мощные волны демократизации и их некоторое попятное движение, финансовые кризисы, опасное усиление международного терроризма...

Все эти факторы заставляют переосмысливать многие сюжеты, связанные с теорией демократии.

Прежде всего это связано с тем, что практические задачи демократизации

по-иному ставят задачи перед демократической теорией. Одно дело – говорить о том, что означает демократия в принципе, и совсем другое – отвечать, например, на вопросы о том:

– что значит сформировать работающую демократическую политическую систему;

– что для этого безусловно необходимо;

– как добиться ее укрепления и устойчивости;

– каковы могут быть критерии относительной завершенности процесса формирования демократии и т.п.

Проблемы, которые ставит время, заставляют операционализировать весь запас имеющихся средств изучения демократии. Эта операционализация, разумеется, влияет и на теоретические

представления о самом существовании демократии.

Так, одним из фундаментальных фактов социально-политической жизни конца XX в. является значительное усиление влияния средств массовой информации на политический процесс. Влияние это в целом довольно противоречиво.

Несомненно, благодаря значительному развитию СМИ мы читаем, видим и слышим о политической жизни значительно больше, чем это было когда-либо прежде. В то же время СМИ становятся как бы универсальным посредником между гражданином и миром политики, и это открывает невиданные еще возможности манипулирования политическим сознанием граждан.

В эти годы в работах философов и социологов, например Дж. Сартори, появляется важный акцент, направленный против основанной на манипулировании *псевдодемократии*.

«Власть выборов, – пишет Сартори в книге «Возвращаясь к теории демократии», – это механическая гарантия демократии; действительная же гарантия создается условиями, в которых гражданин получает информацию и оказывает под воздействием тех, кто создает общественное мнение... Свободные выборы с несвободными мнениями ничего не выражают»¹⁰.

Выраженная Дж. Сартори идея на рубеже веков становится одной из центральных для целого направления в трактовке демократии (связанного, в частности, с работами Г. Шиллера, Р. Гудина, П.-И. Шереля), смысл которого можно обозначить антитезой «демократия против манипулирования».

Центром внимания для этого направления стали особенности процесса формирования мнения граждан, получающего затем выражение в голосовании. В частности, Пьер-Ив Шерель об-

ратил внимание на проблему роли средств массовой информации как фактически универсального посредника между гражданами и миром реальной политики. Фактически граждане, по мнению Шереля, испытывая потребность составить мнение о происходящем в политике, практически целиком зависят от содержания информации СМИ и характера ее подачи (написано это Шерелем еще до широкого распространения Интернета).

Согласно Шерелю, эта информация «не может выйти из властного поля, точно так же как вращение планет определяется всемирным тяготением... Информация дается потребителю лишь потому, что служит интересам ее распространителя или по крайней мере не вредит им, подчиняясь определенным условиям». Поэтому, по убеждению Шереля, «если свободное формирование мнения – нерушимый принцип демократического контракта, то ясно одно: в школьных программах для будущих граждан нужно отдать абсолютный приоритет изучению законов массовой информации... Качество мнения граждан обуславливает качество демократической жизни в любой стране или социальной группе, являясь целью борьбы всех претендентов на власть»¹¹.

Максималистские концепции демократии также получили в этот период значительное развитие, связанное, в частности, с работами Б. Барбера, Дж. Мэнбридж, К. Гулд, Ф. Грина.

Бенджамен Барбер в книге «Сильная демократия: политика участия для новой эпохи»¹² подверг критике существующую ныне представительную демократию за то, что в ней происходит отчуждение граждан от политической власти и друг от друга, и противопоставил ей модель *сильной*, по его выражению, демократии, укорененной во всей общественной жизни и основанной на низо-

вом самоуправлении и массовом политическом участии. В такой общественной системе, по проекту Барбера, гражданам перестали бы быть лишь частными лицами, исходящими из своих частных интересов, и обрели бы способность возвыситься до понимания и защиты интересов сообщества. В целом «сильную демократию» Барбер описывал как правление образованных граждан.

Джейн Мэнсбридж характеризовала современную западную систему как «конфликтную демократию», каждый шаг которой, по ее выражению, совершает насилие над иным, более древним пониманием демократии¹³. Это более древнее понимание, по Мэнсбридж, есть идея «унитарной», или консенсусной, демократии, основанной на принципах взаимного согласия, общности интересов и дружеских взаимоотношениях членов общества. Впрочем, Мэнсбридж не отрицала «конфликтной демократии» в принципе и лишь предлагала дать возможность использовать элементы «унитарной демократии» на низовом уровне.

В 90-е годы идеи прямой демократии получили новый импульс и в связи с развитием телематики и электронных сетей. Действительно, компьютеры и электронные сети резко расширили возможности мгновенных опросов общественного мнения, обсуждения проблем в режиме телеконференций, массового голосования по обсуждаемым вопросам. Фактически важные элементы прямой демократии, считавшиеся невозможными в крупных обществах и государствах, пожалуй, еще со времен Ш.Л.Монтескье и Дж.Мэдисона, с изобретением компьютеров и электронных сетей вдруг вновь стали в принципе возможными. Однако, хотя возможностям «электронной демократии» посвящается сейчас весьма много работ, наличие технических возможностей вовсе не обязательно означа-

ет изменение властной конфигурации современной политики.

90-е годы принесли и новые вызовы демократии, связанные в первую очередь с процессами глобализации, изменением системы международных отношений, международным терроризмом. Международные факторы стали, пожалуй, наиболее серьезным испытанием для демократических идей. Ведь для демократии, согласно, например, Д.Рас-тоу¹⁴, необходимо прежде всего сообщество граждан, твердо сознающих свое единство и идентичность, а когда в результате глобализации стало снижаться значение национальных государств, то это важнейшее условие демократии подверглось размыванию.

Сегодня многие решения, от которых зависят судьбы людей, принимаются помимо национальных государств (например, в штаб-квартирах транснациональных корпораций). И, если на уровне государств были выработаны важные механизмы демократического контроля над властью, то на уровне ТНК или, скажем, международных финансовых институтов такого контроля не существует, а реальная власть этих организаций очень велика. Поэтому, несмотря на ее категоричность, трудно не согласиться с мнением Норберто Боббио, что «демократия будущего может быть только международной. В противном случае это будет не демократия»¹⁵.

Как отмечает Дэвид Хелд, сегодня демократия в национальном государстве требует демократии и в сети пересекающихся международных отношений¹⁶. Однако реальные механизмы возможного установления демократического контроля за деятельностью общественных международных структур пока еще далеко не ясны.

В последние годы XX в. значительное распространение и популярность получили также различные варианты кон-

цепции «*делиберативной демократии*» (от лат. *delibere* – продумывать, взвешивать, обсуждать).

По отношению к минималистским и максималистским доктринам эта концепция носит компромиссный характер. По замыслу ее авторов¹⁷, делиберативная демократия должна соединить процесс поиска истины с процессом подготовки политических решений.

Центральным звеном подготовки решений в этой системе авторам концепции представляется *дискурс* – свободная дискуссия всех заинтересованных лиц, осуществляемая в условиях широкого, активного, децентрализованного участия и отвечающая требованиям рациональности. Таким образом, политические решения должны становиться результатом широкой рациональной дискуссии.

Несомненно, в этой концепции есть черты утопизма, однако поиск рационального компромисса, способного соединить преимущества минималистских и максималистских концепций демократии, представляется весьма важным.

На начало XXI в., несмотря на многочисленные серьезные вызовы по отношению даже к минималистски трактуемой демократии, новый импульс получают также всеобъемлющие дьювианские идеи демократии как образа жизни, в частности, в концепции «*демократии как формы жизни*» Дж. Дж. Стюра¹⁸.

Важно, что Дж. Дж. Стур наследует и ту важнейшую дьювианскую идею, что в соответствии с изменениями в общественной жизни и культурных условиях демократия должна постоянно изменяться и обновляться.

Некоторые выводы

В XX в. потребности в демократизации общественной жизни и развитие исследовательского аппарата привели к широкомасштабным исследованиям проблематики, связанной с демократией. Это, в свою очередь, привело к значительному развитию теоретических представлений о ней.

Вызовы демократии на рубеже XX–XXI вв. в определенной степени ставят под сомнение сами перспективы ее существования. Одновременно это вызывает дальнейшее развитие исследований по проблематике демократии.

Важнейшее развитие представлений о демократии в XX в. и на рубеже столетий состоит в том, что сегодня демократию, при всей разнице взглядов пишущих о ней авторов, фактически уже нельзя представить лишь как систему институтов и совокупность однажды установленных процедур.

Не менее важны для ее реального установления и сохранения активность граждан, образование и развитие культуры, которые способны превратить демократию в живое и непрерывно развивающееся явление, в повседневный образ жизни человека и общества в целом.

Примечания

¹ *Lincoln A. On Self-Government // Rejai M. Democracy: the Contemporary Theories. N.Y., 1967. P. 71; Wills G. Lincoln at Gettysburg: The Words that Remade America. N.Y., 1992.*

² *Коль Г. Гильдейский социализм. М., 1925.*

³ *Дьюи Дж. Этика демократии // Полис. 1994. № 3. С. 29–30.*

⁴ *Lipset S. M. Political Man. Garden City, 1960.*

⁵ *Sartori G. Democrazia e definizioni. Bologna, 1972. P. 11.*

- ⁶ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 605, 606.
- ⁷ Цит. по: Теория и практика демократии. Избранные тексты: Пер. с англ. / под ред. В.Л.Иноземцева, Б.Г.Капустина. М., 2006. С. 35.
- ⁸ Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992. С. 8.
- ⁹ Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992; Он же. Демократия и ее критики. М., 2003; Он же. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.
- ¹⁰ Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, 1987. Part 1. P. 87.
- ¹¹ Шерель П.И. Строить демократию: свобода формирования и выражения мнений // Полис. 1993. № 6. С. 100, 102.
- ¹² Barber B.R. Strong democracy: participatory politics for a new age. Berk., 1984.
- ¹³ Mansbridge J.J. Beyond adversary democracy. Chi., 1983.
- ¹⁴ Растой Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
- ¹⁵ Цит. по: Лобер В.Л. Проблема демократии в политической философии Норберто Боббио // Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. Сб. статей / отв. ред. П.А.Цыганков. М., 1992. С. 210.
- ¹⁶ Хелд Д. Демократия, национальное государство и глобальная система // Современная политическая теория / авт.-сост. Д. Хелд. М., 2001.
- ¹⁷ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. Гл. V. Что такое «делиберативная политика»?
- ¹⁸ Стур Дж. Дж. Открывая демократию заново // Полис. 2003. № 5, 6.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие
36789 — на год